

Вызывает также недоумение обращение к такому владельцу источника повышенной опасности, как Министерство внутренних дел. Думается, что органы внутренних дел должны фигурировать в качестве ответчиков, когда речь идет об ответственности публично-правовых образований в случае применения ст. 1068–1071 ГК РФ. Статья же 1079 ГК РФ является специальной по отношению к ст. 1068–1071 ГК РФ, а поэтому правила ст. 1068–1071 ГК РФ в случае ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности, не должны подлежать применению. Такой владелец, как Министерство, может стать субъектом ответственности по рассматриваемой категории дел лишь при доказанности законности обладания источником повышенной опасности, что не было учтено при рассмотрении конкретного судебного дела.

В случае правомерного причинения вреда, согласно теории гражданского права, ответственность за причиненный вред не должна наступать. Следует заметить, что законодательством установлены отдельные случаи такого правомерного причинения вреда: крайняя необходимость (ст. 1066 ГК РФ) и причинение вреда в состоянии необходимой обороны без превышения пределов (ст. 1066 ГК РФ). Причем в случае крайней необходимости в зависимости от ситуации в одном из пяти случаев ответственность все же наступает (общее правило).

Одним из случаев правомерного причинения вреда, который в качестве отдельного случая правомерного причинения вреда прямо не обозначен в ГК РФ, является причинение вреда при исполнении субъектом своих трудовых (служебных) обязанностей в рамках предоставленных полномочий. Подобное широко применимо в работе органов внутренних дел, поскольку сама деятельность нередко осуществляется в достаточно опасных условиях (в частности, это касается преследования и задержания преступника). Причем данные действия нередко как раз и связаны с использованием источника повышенной опасности: автомобильного средства, оружия и т.д. Не случайно применительно к данной частной ситуации правомерного причинения вреда законодательное регулирование все же имеет место. Так, в п. 8 ст. 18 Закона «О полиции» указано, что сотрудник полиции не несет ответственность за вред, причиненный гражданам и организациям при применении, в частности, огнестрельного оружия, если его действия осуществлялись по основаниям и в порядке, которые установлены федеральными конституционными законами, настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами.

Полагаем, что данное правило в равной мере касается транспортных средств, оружия и животных, в частности собак. По сути, речь здесь идет о возможном правомерном причинении вреда, за причинение которого ответственность не должна наступать. Вместе с тем, как показывает анализ материалов судебной практики, приоритет судом отдается не правилу о правомерном причинении вреда, а нормам об ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности. Так, следует обратить внимание на ситуацию, которая была рассмотрена в судебном порядке и касалась использования сотрудником полиции чужого транспортного средства в целях предотвращения противоправного действия в соответствии с п. 2 ст. 27 Закона «О полиции». При повторном рассмотрении дела суд все же возложил всю имущественную ответственность на управление внутренних дел, которому подчинен орган ГИБДД, поскольку сотрудник полиции действовал в рамках закона и не преследовал достижения личных целей.

Таким образом, несмотря на то, что вред причинен правомерными действиями, суд тем не менее обязал управление внутренних дел как владельца источника повышенной опасности его возместить. Данная ситуация означает, что в судебной практике допускается отступление от теоретических «аксиом», а такая ситуация возможна постольку, поскольку в главе 59 ГК РФ отсутствует специальная общая норма об освобождении от ответственности в случаях правомерного причинения вреда.

На наш взгляд, рассмотренное выше решение суда следовало для бесспорности ситуации как раз связать с дей-

ствиями полицейского в состоянии крайней необходимости, где, несмотря на правомерность действия, общим правилом в соответствии со ст. 1067 ГК РФ все же является возмещение вреда третьему лицу, которому причинен вред, в том числе и источником повышенной опасности. Поэтому если сотрудник полиции, используя автомобиль третьего лица для предотвращения правонарушения, попадает в ДТП, тем самым причиняя вред, его действия считаются правомерными в рамках крайней необходимости. Однако по причине существования общего правила ст. 1067 ГК РФ гражданско-правовая ответственность в данном случае все же может быть возложена на управление внутренних дел.

УДК 342.9

Е.К. Тарасова

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ЗАЩИТЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В последние годы заметно возросло внимание общественности к вопросу о защите персональных данных. Проблема сохранения и доступа к конфиденциальной информации в эпоху всеобщего распространения информационных технологий стоит весьма остро. В странах СНГ к решению данного вопроса подходят по-разному, однако в его регулировании есть и общие моменты. Прежде чем подходить к решению проблемы о защите, необходимо четко определить, что собой представляет само понятие «персональные данные».

О необходимости правового регулирования персональных данных на межгосударственном уровне было сказано в Модельном кодексе «О персональных данных» от 16 октября 1999 г. принятом на 14 пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ. В ст. 2 данного кодекса приводится определение: «Персональные данные – информация (зафиксированная на материальном носителе) о конкретном человеке, которая отождествлена или может быть отождествлена с ним. К персональным данным относятся биографические и опознавательные данные, личные характеристики, сведения о семейном положении, образовании, профессии, служебном и финансовом положении, состоянии здоровья и прочие». Данное определение является ключевым. Однако, в предложенное определение законодатели разных стран вносили свои изменения и дополнения. Так, в Федеральном законе РФ № 152 «О персональных данных» (далее – Закон) в п. 1 ст. 3 приводится следующее определение: «Персональные данные – любая информация, относящаяся к определенному или определяемому на основании такой информации физическому лицу (субъекту персональных данных), в том числе его фамилия, имя, отчество, год, месяц, дата и место рождения, адрес, семейное, социальное, имущественное положение, образование, профессия, доходы, другая информация». В этом Законе выделяется еще одно понятие – «специальные категории персональных данных – данные, касающиеся расовой, национальной принадлежности, политических взглядов, религиозных или философских убеждений, состояния здоровья, интимной жизни субъекта» (п.1 ст.10). Интересно отметить, что в Законе также дается определение понятию «биометрические персональные данные», к которым относятся «сведения, которые характеризуют физиологические особенности человека и на основе которых можно установить его личность» (ст. 11).

В Законе Украины «О защите персональных данных» от 01 июня 2010 г. № 2297-VI в ст. 2 приводится следующее определение: «Персональные данные – сведения или совокупность сведений о физическом лице, которое идентифицировано или может быть конкретно идентифицировано». В данном законе не упоминается о биометрических данных человека.

Представляет интерес характеристика понятия «персональные данные», изложенная в законопроекте «О персо-

нальных данных» Казахстана от 29 марта 2012 г. Сюда отнесен следующий перечень сведений: фамилия, имя, отчество при его наличии, национальность, пол, дата и место рождения, индивидуальный идентификационный номер, юридический адрес, место жительства, абонентский номер средства связи, номер документа, удостоверяющего личность, семейное и социальное положение, наличие движимого и недвижимого имущества, образование, профессия и биометрические персональные данные. Таким образом законодатель включает биометрические данные в перечень персональных данных и не разграничивает эти понятия.

В Республике Беларусь термин «персональные данные» упоминается в Законе Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» от 10 ноября 2008 г. № 455-З в нормах, касающихся обработки персональных данных. Согласно ст. 17 Закона персональные данные относятся к информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено. В ст. 32 этого Закона оговаривается необходимость защиты персональных данных, однако не дается расшифровка этого понятия.

Более детально понятие «персональные данные» рассматривается в Законе «О регистре населения» от 21 июля 2008 г. № 418-З (вступающий в силу в 2013 г.), которым предусмотрено создание единой системы учета персональных данных граждан. Согласно ст. 7 регистр состоит из основных персональных и дополнительных персональных данных. К основным персональным данным относятся: идентификационный номер; фамилия, собственное имя, отчество; пол; число, месяц, год рождения; место рождения; цифровой фотопортрет; данные о гражданстве (подданстве); данные о регистрации по месту жительства и (или) месту пребывания; данные о смерти или объявлении физического лица умершим, признании безвестно отсутствующим, недееспособным, ограниченно дееспособным (ст. 8). Дополнительные персональные данные включают следующие данные: о родителях, опекунах, попечителях, семейном положении, супруге, ребенке (детях) физического лица; о группе крови; о прижизненном несогласии на забор органов и (или) тканей для трансплантации при наступлении смерти; о высшем образовании, ученой степени, ученом звании; о роде занятий; о пенсии, ежемесячном денежном содержании по законодательству о государственной службе (далее – ежемесячное денежное содержание), ежемесячной страховой выплате по обязательному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний; о налоговых обязательствах; об исполнении воинской обязанности (ст. 10). В Законе есть статья о защите персональных данных и их правовом режиме (ст. 32), однако нет детального режима защиты. Указывается только, что защита персональных данных – деятельность распорядителя регистра, которая определяется Законом. Перечень данных, исходя из анализа статей, является исчерпывающим. И в то же время четкого определения понятия «персональные данные» здесь также нет.

Еще один национальный законодательный акт, в котором можно встретить понятие «персональные данные», – Закон Республики Беларусь «О ратификации Соглашения о сотрудничестве в создании государственных информационных систем паспортно-визовых документов нового поколения и дальнейшем их развитии и использовании в государствах-участниках СНГ» от 9 ноября 2009 г. № 59-З. Здесь определение персональных данных схоже с определением, данным в Федеральном законе РФ № 152, за исключением слов «социальное, имущественное положение». В ст. 2 дается определение биометрических данных – «сведения, которые характеризуют физиологические особенности человека и на основании которых можно установить его личность (цифровая фотография, отпечатки пальцев, изображение радужной оболочки глаз и другие биометрические персональные данные), которые могут обрабатываться только при наличии согласия в письменной форме субъекта персональных данных в соответствии с законодательством государств-участников настоящего Соглашения».

Таким образом, можно прийти к выводу о разных определениях одного и того же понятия в законодательных ак-

тах Республики Беларусь. Полагаем, что определение подобных понятий должно быть четко сформулировано законодателем без возможности толковать его тем или иным образом.

Кроме того, очевидна необходимость принятия в Республике Беларусь Закона «О персональных данных», в котором, кроме разграничения понятий «персональные данные», «биометрические персональные данные», значительное внимание должно быть уделено формам и способам защиты персональных данных.

УДК 351.74:342.9

А.А. Тариков

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТЕ УПРАВЛЕНИЯ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Управление государством, являющимся сложной организационной социальной системой, охватывает процессы осуществления и такой немаловажной функции, как предварительное следствие. В настоящее время в Республике Беларусь данную функцию государства призван осуществлять Следственный комитет Республики Беларусь (далее – Следственный комитет), являющийся единой и централизованной системой государственных правоохранительных органов – органов предварительного следствия, осуществляющих полномочия в сфере досудебного уголовного производства.

Как правило, в литературе такое общественное явление, как «управление органами предварительного следствия», ограничивается рассмотрением одной из составляющих его частей – управлением уголовно-процессуальной деятельностью с использованием методологии теории уголовного процесса или криминалистики. Однако повседневная практическая деятельность органов предварительного следствия состоит из нескольких направлений: 1) уголовно-процессуальная деятельность, реализуемая путем осуществления в пределах компетенции, определенной законодательством, предварительного следствия по уголовным делам; 2) поддержание внутренней организованности, дисциплины и согласованного функционирования составляющих органы предварительного следствия элементов как целостного организма, принятие необходимых организационных решений, контроль и оценка их исполнения; 3) управление нижестоящими подразделениями Следственного комитета, осуществление подготовки и переподготовки кадров; 4) выполнение иных функций, возложенных на Следственный комитет государством как на подсистему, составляющую единую систему правоохранительных органов (например, участие Следственного комитета в пределах своей компетенции в реализации государственной уголовной политики, разработка предложений по совершенствованию правового регулирования в сфере правоохранительной деятельности). При этом следует отметить, что процессуальная деятельность органов предварительного следствия, безусловно, занимает главенствующее место, остальные же направления являются по большей части обслуживающими или дополнительными.

Так как каждое из названных направлений присуще всем подразделениям Следственного комитета, то они должны охватываться вниманием субъекта управления, изучаться им, включаться в объект управляющих воздействий. Приведенный выше подход позволяет отойти от традиционного взгляда на практическую деятельность Следственного комитета, ассоциируемую исключительно с реализацией функции предварительного следствия. Это значительно увеличивает объем проблем, разрешаемых посредством управления, требует иных подходов для их познания, осмысления, формулирования выводов, разработки практических рекомендаций. Кроме того, определяя функцию предварительного следствия в качестве единого объекта управления Следственного комитета, можно сформулировать общие подходы к управлению процессом реализации